

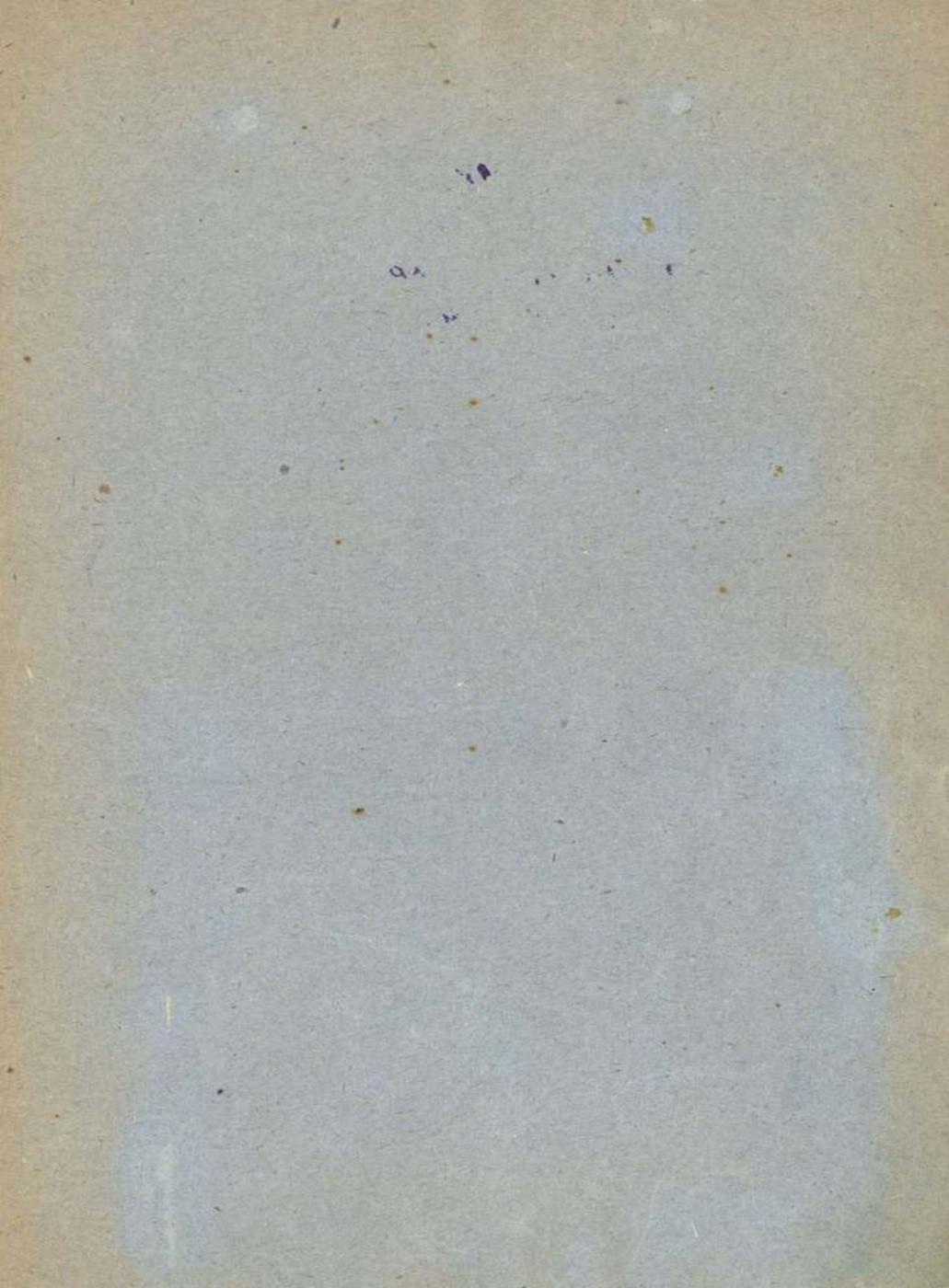
В. БИАНКИ

НА ВЕЛИКОМ МОРСКОМ ПУТИ

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ

Д
659

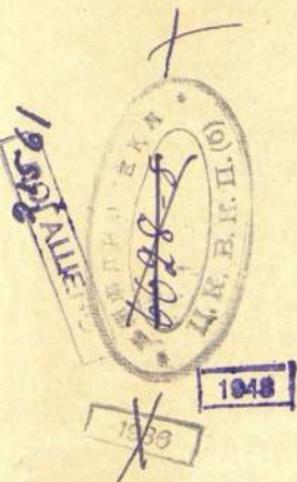

ВИТ. БИАНКИ

Б 59

НА ВЕЛИКОМ МОРСКОМ ПУТИ

ОБЛОЖКА И РИСУНОК
Т. ШИШМАРЕВОЙ

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

✓ Д
859

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ

Для младшего и среднего возраста.
 Ответств. редактор *З. Задунайская*.
 Редактор-художник *Ю. Петров*.
 Технический редактор *А. Николаев*.
 Корректор *Н. Токин*. Подписана к печати с готовых матриц 11/1 1936 г. Д-6.
 Ледетиздат № 1. Ленгорт № 1120.
 Тираж 50000 экз. Заказ № 2194. Формат бумаги 72×94¹/₁₆ см. У. авт. л. 2, 77.
 Печатных листов 31¹/₂. (62000 тираж, экз. в 1 бум. л.). Бум. л. 13¹/₄. Обложка отпеч. в лит. им. Томского. Отпеч. с матриц в арт. «Печатня». Ленинград. Прачечный, 6.

Цена 1 р. 50 к. Переплет 75 к.

680462 КХ-рег
 Российская государственная
 детская библиотека

255304

Уважаемый гражданин председатель.

Сегодня, 17-го апреля 19... года, я отпускаю на волю дикого гуся из породы белолобых казарок.

Птицу эту я случайно купил осенью прошлого года в Ленинграде на улице. Ее нес продавать на рынок охотник. Он рассказал, что поймал казарку за несколько дней перед тем у берега Финского залива, где-то за Ораниенбаумом. Птица запуталась лапами в рыболовной сети.

Зиму казарка прожила у меня на дворе в городе Витебске. Скоро она стала очень ручной. Позволяла даже гладить себя по спине моему сыну, когда он приносил ей пищу. Весной, однако, она стала дичать. По тому, как она натягивала и щипала привязывающую ее веревку и била крыльями по воздуху, легко было догадаться, что ее потянуло на волю. Мы с сыном решили отпустить ее. Но мы так привязались к своей дикой пленнице, что нам было бы жалко расстаться с ней без всякой надежды когда-нибудь снова услышать о ней. Я достал нумерованное алюминиевое кольцо выпуска Московского орнитологического комитета серии С, № 109. Его мы наденем на ногу птицы, прежде чем ее отпустить.

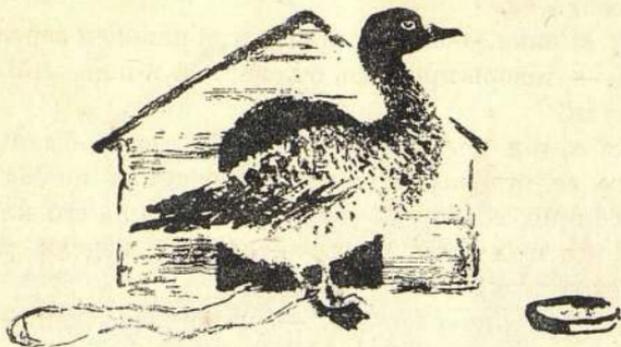
Если кто-нибудь снова поймает нашу казарку, заметит у нее на лапе кольцо и напишет об этом в Орнитологический комитет, не откажите сообщить мне в Витебск, куда она залетела и при каких обстоятельствах была поймана.

Человек, написавший это письмо, приписал внизу свой адрес, подписался и вложил письмо в конверт с адресом Московского орнитологического комитета.

Затем он встал из-за стола и подошел к двери.

— Мишка! — громко позвал он сына. — Пойдем выпускать казарку.

Через несколько минут отец и сын вышли на двор и направились к старой собачьей конуре, служившей казарке домом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сидя у конуры, казарка яростно теребила клювом привязанную к ее ноге веревку. Но, заметив приближающихся людей, она сейчас же оставила это занятие, вся выпрямилась и высоко подняла голову. Теперь она казалась ростом с домашнего гуся, хотя на самом деле была значительно меньше. С первого взгляда в ней легко было узнать дикую птицу. Перья на всем ее теле лежали как-то особенно гладко и красиво, как они никогда не лежат у домашних птиц. Фигура у нее была статная, крепкая, грудь выпуклая, шея упругая. Ее короткие, широко расставленные ноги твердо упирались в землю. На лбу сияло полумесяцем чисто-белое пятно.

Когда отец с сыном подошли к ней, она с криком рванулась от них. Вербка натянулась и дернула ее назад. Казарка сразмаху ткнулась головой в землю.

Этим воспользовался Мишкин отец. Он крепко схватил птицу сзади за крылья и поднял ее на воздух.

— Развязывай веревку, — сказал он Мишке.

Пока Мишка возился с туго затянутым узлом, казарка всеми силами старалась вырваться. Взрослый человек едва мог удержать ее.

— Ну, Мишка, — сказал отец, когда наконец веревка упала на землю, — теперь простись с казаркой и пожелай ей счастливого пути!

Мишка хотел погладить птицу. Протянул было руку, но сейчас же ее отдернул: казарка грозно на него зашипела. Ему совсем не хотелось, чтобы она ударила его клювом. Он уже раз испытал, как это приятно: две недели у него на ноге не сходил синяк.

— Что, брат, не очень-то? — улыбнулся отец. — Ничего, я придержу ее за шею. А ты достань у меня из правого кармана колечко и плоскогубцы.

Мишка подал.

— Ну-с, — продолжал отец, — разомкни кольцо и надень его казарке на лапу. Сделал? Хорошенько сожми его концы щипцами. Так. Теперь если она попадется кому-нибудь в руки, так мы с тобой еще о ней услышим.

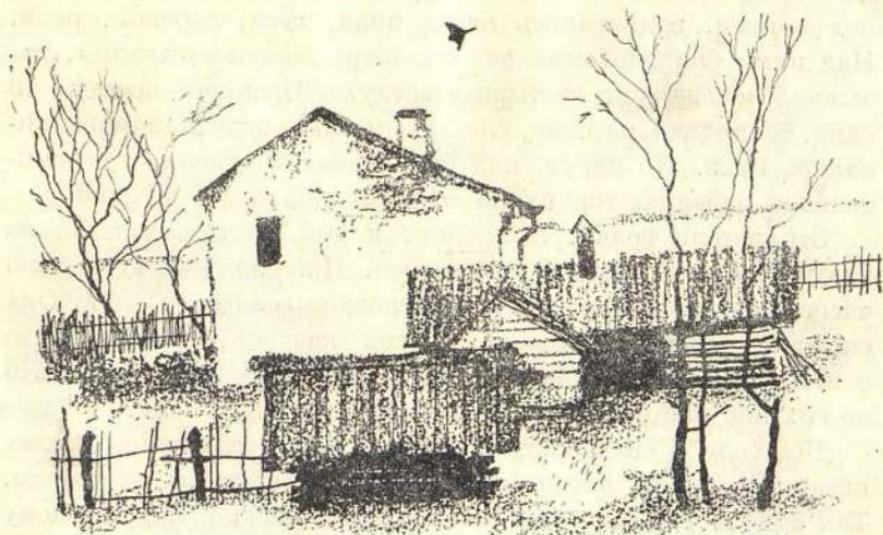
— Держи карман... — с сомнением пробормотал Миша.

— А, что ты говоришь? Видишь на кольце адрес и номер. Если кто-нибудь поймает нашу казарку, он должен сообщить номер ее кольца по этому адресу в Орнитологический комитет. А я, в свою очередь, написал в комитет, чтобы оттуда сообщили нам, где будет поймана казарка. Понятно?

— Понятно-то оно понятно, — бурчал Мишка, — да не очень верно, что она еще раз кому-нибудь попадется.

— Как знать. Ну-с, а теперь я ее выпускаю, — сказал отец. — У меня уже руки устали держать ее.

Он подбросил птицу в воздух. Казарка взмахнула крыльями и полетела низко над землей. Но вдруг, почувствовав, что ничего уже больше не привязывает ее к земле, она рва-

нулась вверх, перелетела через забор и поднялась над крышей.

— Гонк! Гонк! — раздался сверху ее радостный крик. Через минуту она казалась уже маленькой мушкой. Отец и сын глядели ей вслед.

Когда она совсем скрылась из виду, отец послал Мишку опустить в почтовый ящик письмо председателю Орнитологического комитета.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Казарка летела высоко над землей. В вышине гудел ветер. Кругом, насколько глаз хватал, никого не было видно. Вверху быстро и бесшумно плыли ей навстречу белые облака. Земля внизу казалась черной. Лишь в ложбинах кой-

где еще лежал снег. Там внизу, медленно-медленно исчезая под ногами, подвигались назад поля, леса, деревни, реки. Над ними большая стая черных птиц, махая крыльями, казалось, неподвижно застыла в воздухе. Время от времени то одна, то другая из птиц, сложив крылья, внезапно проваливалась вниз. Но вдруг, над самой землей задержав стремительное падение, торопливо поднималась назад в стаю.

Это летели грачи. Понемногу и они, отстав, исчезли из виду. Казарка неслась все вперед. Прошло уже несколько часов с тех пор, как она почувствовала себя свободной. Она спешила теперь разыскать других казарок, чтобы вместе с ними совершить длинный и опасный путь на родину. Но до сих пор она никого не встретила в вышине.

Вот если б ей добраться до того места, где полгода тому назад поймал ее охотник! Она хорошо помнила это место. Там было море. Там пролегал Великий морской путь. По нему стая за стаей вереницей тянули казарки, гуси, лебеди, утки, кулики и другие морские и прибрежные птицы. На Великом пути она рассталась с родной стаей и со своим неразлучным другом — гусем-казанком. Скоро, может быть, она снова найдет его.

Охотник увез ее оттуда в темном мешке: она не могла запомнить дорогу. Но безотчетное чувство, знакомое одним птицам, безошибочно указывало ей верный путь.

Долгий и быстрый полет не утомил казарку: птицы не знают одышки. Каждый взмах крыльев наполнял воздухом ее легкие и через них воздушные мешки во всем теле, даже в пустых костях. Те же мускулы, что двигали ее крыльями, то растягивали, то сжимали эти мешки. Воздух свободно входил и выходил из них. И дыханье казарки оставалось таким же ровным, как если б она спокойно сидела на месте. Заставить ее опуститься на землю мог только голод.

Ей уже хотелось есть. Все тело начинала охватывать

неприятная слабость, все трудней становилось двигать крыльями. Казарка стала понемногу опускаться, высматривая удобное место для кормежки.

Опасно кормиться в одиночестве. Пока будешь нырять за кормом под воду или разыскивать его на земле, — и не заметишь, как подкрадется враг. Казарка внимательно оглядывала землю: нет ли где таких птиц, к которым можно бы присоединиться хоть на время кормежки?

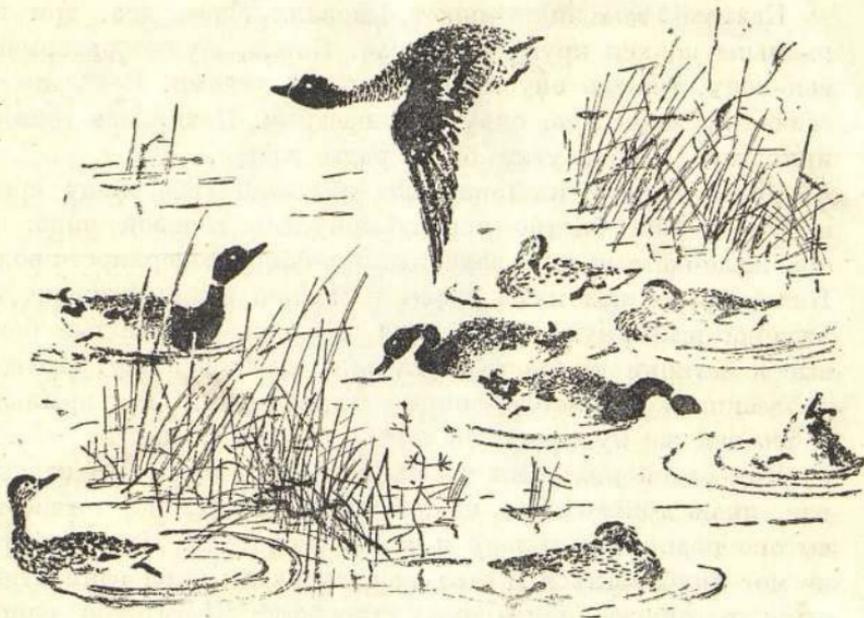
Под собой она видела поля, рощи, перелески. Иногда снизу поднимались крошечные жаворонки, и песни их звенели в воздухе. То тут, то там казарка стала замечать маленькие фигурки людей, коров, лошадей, словно ползающих по земле.

Стараясь держаться в стороне от них, казарка полетела над самыми макушками деревьев. Только теперь она заметила, что по всему лесу непрерывным строем передвигались мелкие лесные птицы. Безостановочно перескакивая с ветки на ветку, перепархивая с дерева на дерево, они стайками двигались все вперед с писком, свистом, щебетаньем и песнями. Их было особенно много по опушкам леса. Тут звонко пинькали разноцветные яблочки, мелькали красные шапочки чечеток, поблескивали оранжевым и белым крылышки тревожно жужжащих вьюрков, громко трещали серые дрозды.

Время от времени стайки слетали с ветвей и горохом рассыпались по земле. Птицы весело прыгали, быстро поклеывая корм. Но вдруг, словно по какому-то невидимому знаку, одна за другой опять взлетали на деревья и продолжали свой путь по ветвям.

Казарка радовалась этим маленьким спутникам. Но голод заставлял ее думать о другом. Надо было поскорей найти место, где можно будет безопасно и сытно покормиться.

Наконец далеко впереди на черной земле блеснула узкая полоска воды. Она стала быстро расти, расти, и скоро ка-

варка увидела перед собою широкую, полноводную реку. Река так разлилась, что черные, не покрытые еще листьями кусты ее низкого берега торчали прямо из воды. Казарка заметила плавающих между кустами птиц.

Сердце заколотилось у нее в груди: вдруг это свои? Она ввоськ) крикнула призывным голосом:

— Гонк! — Гонк! — Гонк!

— Ваак! — Ваак! — Ваак! — ответили ей с реки.

Нет, это не казарки... Это крикали утки.

Но одинокая, усталая, голодная казарка была рада и этой встрече. Ведь няряковые утки приходятся ей дальними родственницами. Они едят ту же пищу, что и она. Она даже немного понимала их язык.

Казарка замедлила полет, сделала один, два, три все уменьшающихся круга в воздухе. Потом, шумно разбрызгивая воду, тяжело опустилась рядом с утками. Вся стая их сейчас же сплылась, окружила казарку. Поднялось громкое криканье: видно, утки были рады госте.

Через минуту казарка уже добывала себе пищу среди их стаи. Она быстро перекувырнулась головой вниз. Ее оранжево-желтые лапы замелькали у самой поверхности воды. Нахватав полный клюв травы и мелкой водяной живности, казарка вынырнула, процедила воду сквозь частые боковые пластинки клюва и проглотила мягкую пищу. Кругом, поблескивая фиолетово-синими зеркальцами на крыльях, точно так же кувыркались утки.

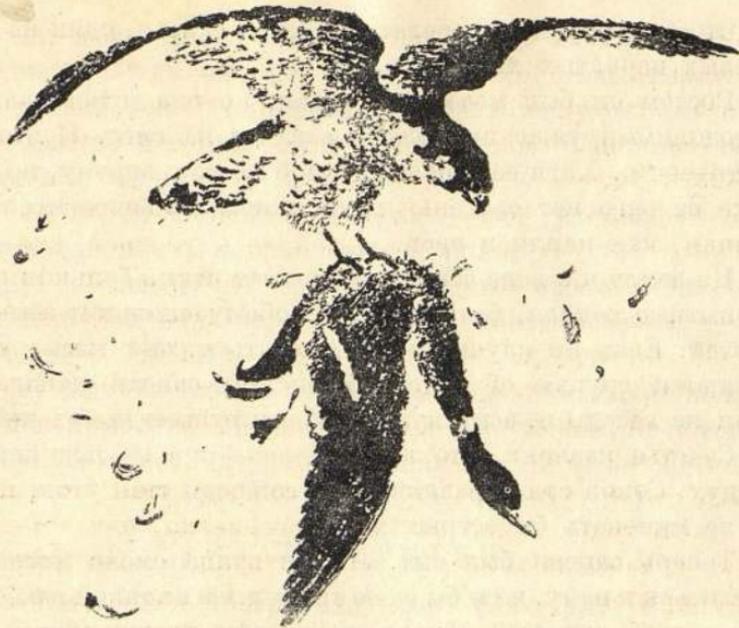
Над рекой мелькали хвосты и головы птиц. Но каждый раз, лишь только одна из них выныривала, она тотчас же высоко поднимала голову и зорко озиралась. Ни один враг не мог приблизиться к стае незамеченным: пока одни птицы ныряют, другие, вынырнув, сторожат. Достаточно одного предостерегающего крика, чтобы вся стая насторожилась и, в случае надобности, в ту же минуту обратилась в бегство.

Но и в этот раз, как всегда бывает, беда стряслась неожиданно. Едва одна из уток заметила мелькнувшие за кустами крылья большого сокола, как он уже был над ней. Отчаянный крик крякушки в одно мгновение всполошил всю стаю.

Нападение было так быстро, что птицы не успели сообразить, откуда им грозит опасность. Все сразу бросились врассыпную. Казарка забилась под куст. Утки нырнули под воду, а одна из них поднялась на воздух.

Только этого и надо было соколу. Вихрем пронесся он над кустом — и ударил утку.

В воздухе закружился пух и, качаясь, стал медленно опускаться на воду.

А сокол был уже далеко с мертвой добычей в когтях. Сквозь куст казарка видела, как на другом берегу широкой реки он уселся на обрыв и принялся потрошить птицу. Потом он ощипал ее и стал есть.

Казарка оглянулась. Уток нигде не было видно. С перепугу они забились под кусты и не решались вылезть из-под их защиты.

Сокол между тем кончил обед, тщательно обтер клюв об землю и пригладил им перья у себя на груди и крыльях. Затем поджал одну ногу и перестал двигаться. Только голова его с хищным, крючковатым клювом по временам медленно поворачивалась из стороны в сторону, и большие блестящие глаза спокойно и величаво поглядывали вокруг.

Это был крупный перелетный сокол сапсан, один из самых смелых пернатых хищников.

Ростом он был меньше казарки, но она чувствовала непреодолимый ужас при одном взгляде на него. И это была не трусость. Хотя сапсан величиной всего с ворону, но в воздухе от него нет спасенья даже таким большим и сильным птицам, как цапли и гуси.

На земле и в воде сапсан не трогает птиц. Только молодые неопытные сокола, бывает, бьют добычу слишком низко над землей. Если им случится промахнуться, они насмерть разбиваются грудью об землю. Взрослый сапсан нападает на птиц из засады и, вспугнув, бьет сверху всегда без промаха.

Счастье казарки, что в переполохе она не поднялась на воздух. Сокол сразу различил бы ее среди стаи уток, и тогда ей не миновать бы острых когтей

Теперь сапсан был сыт. Любая птица смело могла приблизиться к нему, и он бы ее не тронул. Он не такой разбойник, как ястреб, который убивает всех, кого только может, даже когда сыт. Только голод заставляет сапсана убивать.

Одна за другой утки, осмелев, стали выплывать из своих убежищ. Сапсан их видел, но не шевельнулся. Его крепкое тело с широкой грудью словно приросло к камню. Когда он не двигался, его почти невозможно было отличить от окружающих камней и комьев земли. Под цвет их удивительно подходила его аспидно-бурая спина, черные перья крыльев и серо-полосатая грудь, брюхо и хвост. Только белое горло выделялось на бурой земле, как беловатый камешек.

Когда все утки сгрудились в стаю, они сразу, как по сигналу, снялись с воды и, стремительно забирая вверх, с шумом промчались над головой сапсана.

Склонив голову набок, сапсан спокойно поглядел им вслед. Это была *его* утиная стая. Уже несколько дней он летит за ней, выхватывая из нее то одну, то другую птицу себе на

обед. Он, как и утки, пробирается теперь на Север, к себе на родину. Когда он сыт, он пропускает стаю вперед. Но лишь только голод напомнит ему, что желудок его пуст, сапсан быстро догоняет свою утиную стаю. Так никогда он не остается без пищи в пути.

И сейчас он спокойно смотрел вслед улетающей стае, стараясь запомнить направление ее полета.

Вдруг в глазах его блеснул хищный огонек. Он сразу весь вытянулся и насторожился. Среди своих уток он увидел казарку. Это была ценная дичь.

В эту минуту ничего не подозревавшая казарка нажила себе неумолимого, безжалостного преследователя, от которого не могут ее спасти ни быстрые крылья, ни крепкий клюв.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Настала теплая прозрачная ночь. Таял снег. В бледном небе чуть заметно мерцали редкие звезды. Внизу, в деревне, один за другим гасли мутные, красные огоньки.

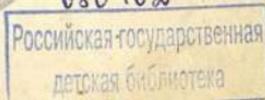
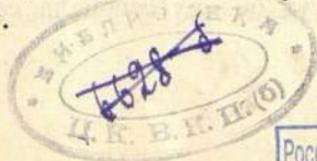
Было тихо кругом. Из темноты доносился только легкий звон неведомо куда бегущих ручейков.

Вот послышался в вышине приближающийся свист крыльев невидимой утиной стаи. Над самой деревней прозвучал с неба звонкий трубный гогот казарки.

Во дворе на окраине деревни всполошились домашние гуси. Громко захлопали крыльями и закричали пронзительно и тоскливо. В легком сумраке ночи им померещилась неясная тень пролетающей вдаль стаи.

Через несколько времени та же неуловимая тень скользнула над другой деревней, потом над третьей. И всюду трубный голос казарки будил и волновал деревенских гусей.

Давно забывшие волю домашние птицы в смутном порыве били крыльями по воздуху.

Но отвыкшие от полета, ненужные им теперь крылья не поднимали их с земли, не могли помочь вырваться из неволи. И долго в ночной тишине не умолкал их крик, полный бессильного отчаяния.

А казарка, счастливая своей свободой, быстрыми, уверенными взмахами уносилась все дальше и дальше. Она неслась навстречу опасностям, может быть даже смерти. Но впереди ждало ее море. Великий путь морской и на нем — шумные стаи подоблачных странников и встреча с покинутым другом.

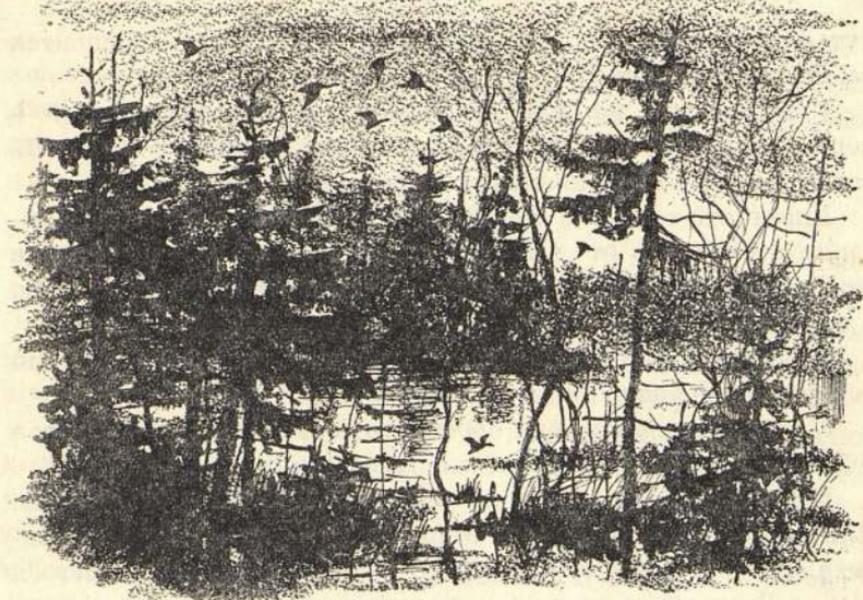
Ко концу ночи утиная стая опустилась на залитое талой водой лесное болото.

Тут было темно и тихо. Ветер сюда не проникал. Гладкая, черная вода блестела, отражая светлеющее небо. Тесным кругом обступили болото мрачные ели. Их широкие ветви шатром нависли над самой водой.

Темнота птиц не пугала: в ночном мраке они различали все окружающие их предметы. Пока все оставалось неподвижным, птицы могли быть спокойны. От их взоров не ускользала ни одна тень. Враги не могли подкрасться к ним незамеченными.

В лесу была мертвая тишина. Лишь изредка напряженный слух птиц улавливал мягкий шорох где-то в глубине темной чащи. Сейчас же одна из уток тихонько крякала, и вся стая мгновенно вытягивала шеи, прислушивалась и оглядывалась. Но шорох больше не повторялся, птицы успокаивались и снова принимались за еду. Опять в ночной тишине слышался только тихий плеск погружающихся в воду тел. Стая торопилась насытиться, пока спящие кругом враги не открыли их убежища.

Казарка ныряла у самого берега, под защитой густых еловых лап. Тут она чувствовала себя в безопасности: если б

какой-нибудь хищник напал на уток, плавающих посреди открытого болота, она успела бы ускользнуть.

На дне болота росли длинные цепкие водоросли. Скоро казарка почувствовала, что запуталась в них ногой. Она порывисто рванулась вперед, но металлическое кольцо больно вонзилось ей в ногу. Крепкие водоросли зацепились за него. Казарке показалось, что она снова на привязи.

В это время в чаще явственно хрустнул сучок. Казарка перестала дергать лапой и медленно повернулась всем телом к берегу.

Из мрака седой ели смотрели на нее в упор два горящие, немигающие глаза.

Казарка хотела вскрикнуть. Но судорога сдавила ей горло. Все тело ее оцепенело от ужаса. Стоит только ей пошевелить-

нуться, — и невидимое чудовище всей тяжестью обрушится на нее и раздавит.

Казарка уже не чувствовала боли от впившегося ей в ногу кольца. Она и не думала бежать. Не могла оторвать взгляда от этих пронизывавших ее глаз.

Вдруг что-то резко толкнуло ее в бок. На миг глаза казарки оторвались от тех глаз. Рядом с собой она увидела утку, задевшую ее крылом. В ту же минуту внезапно спало с нее оцепенение.

И казарка так сильно рванулась с места, что лопнули водоросли, державшие ее за ногу.

С громким криком она бросилась бежать по воде, помогая себе крыльями. Встревоженные утки снялись с болота.

В то же время из чащи раздался злобный лай лисицы. Лай перешел в визг, потом в ворчанье. Птицы услышали затихающий в лесу треск сучьев под ногами удалявшегося зверя. Лиса знала, что напуганная стая сядет теперь в середине болота, и больше уж не удастся подстеречь птиц у берега.

Утки и казарка носились над водой. Они еще не были сыты и им не хотелось улетать отсюда.

Но кругом было много страшных врагов, прятавшихся в темноте.

— У-гу-у! — раздался вдруг зловеющий голос из глубины леса.

Плавно опускавшаяся к воде стая дружно замахала крыльями.

— У-гу-у! У-гу-у! — послышалось в ответ в другой стороне.

Стая круто взмыла кверху и понеслась над лесом.

— У-гу-у! У-гу-у! — теперь филины перекликались где-то под ними и не были уже страшны стае.

Светало. В деревьях просыпались люди.

Прошел час ровного, неторопливого полета. Лучи восходящего солнца, скользнув по розовым облакам, спустились книзу и заиграли золотом на крестах и куполах показавшегося вдали города.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В это время сапсан уже догонял свою утиную стаю.

Не замедляя быстрого, как вихрь, полета, он промчался над просыпавшимися деревнями. Домашние гуси при виде его в испуге кричали и шарахались под защиту навесов.

Сапсан мчался все дальше и дальше. Внизу мелькали деревни, поля, рощи. Наконец он понесся над большим еловым лесом. Стайки мелких птиц то тут, то там показывались над деревьями. Появление сокола мгновенно обращало их в бегство. Они врассыпную кидались вниз, вверх, в стороны — лишь бы подальше оказаться от свирепого хищника.

Но сапсан не обращал на них внимания: впереди его ждала крупная добыча. Он несся все быстрее, быстрее.

Солнце еще низко стояло над горизонтом, когда сапсан увидел вдали город.

Между тем казарка, не чуя наступающей ее беды, замедлила полет. Она с удивлением разглядывала с высоты развернувшийся под ней город.

Люди еще спали в домах.

Город казался мертвым. В разных направлениях его пересекали серо-каменные перегородки, крытые буро-красным железом. Разных размеров четырехугольные и косые клетушки вплотную примыкали друг к другу. Длинные, прямые, узкие улицы между ними напоминали сухие русла канав. Посередине города сверкала река, сжатая прямыми гранитными берегами. Там, где она разбивалась на два рукава, по сторонам ее высились две тонкие золотые иглы.

Расстояние между сапсаном и стаей, летевшей все прежним неторопливым полетом, уменьшалось с каждой минутой. Но ни утки, ни казарка не замечали преследователя. Взгляд казарки остановился на круглой золотой крыше громадного дома. Залитое ярким солнечным светом, золото слепило глаза.

Казарка видела, как из-под этой крыши вывернулась птица и быстро полетела вверх. Скоро можно было различить изогнутые серпом крылья сокола.

Тревожно крикнула одна из уток, и вся стая стала подниматься. Сокол мчался к ней почти по прямой линии. Теперь спасение зависело от того, сумеет ли стая не дать соколу догнать ее и набрать высоты для удара в спину.

Птицы молчали, напрягая все свои силы в этой воздушной борьбе. Так прошло несколько томительно-долгих мгновений. Становилось уже трудно дышать в разреженном воздухе подоблачной высоты.

Казарка с ужасом замечала, что, несмотря на все ее усилия, сокол становился все лучше виден, все приближался. Кровь стучала у нее в голове. Сердце больно колотилось в груди.

Вдруг сокол перестал подниматься. На миг он неподвижно повис в воздухе, повернулся и внезапно стрелой метнулся в сторону.

Воспользовавшись этим счастливым для нее оборотом дела, стая дружно понеслась прямо вперед. Одно мгновение казарка еще видела под собой быстро мелькавшие крылья сокола. Ей показалось, что он мчится навстречу своему отражению в воде. Но в следующее мгновение сокол и его двойник пропали у нее из глаз.

Теперь казарка взглянула вперед. Ликующий крик вырвался у нее из груди: прямо перед ней, искрясь в золотых лучах утреннего солнца, лежало море.

Там простирался Великий путь.

Когда сапсан заметил летящую высоко над городом казарку среди утиной стаи, он понесся еще быстрее. Ему некогда было теперь смотреть по сторонам: расстояние между ним и стаей уменьшалось с каждым взмахом его крыльев. Теперь надо было подняться выше, чтобы ударить казарку сверху.

Ни одна из птиц в стае не обернулась назад. Значит, они еще не заметили его. Но отчего же они поднимаются все выше и выше?

Сапсан глянул вниз. Там навстречу ему поднимался другой сокол. Одно мгновение сапсану казалось, будто он видит свое отражение в воде: так похож был на него встречный сокол. В следующий миг сапсан понял, почему устремились вверх утки: другой сокол тоже преследовал стаю, утки спасались от него.

Соперник тоже заметил сапсана. Он приостановился в своем полете вверх, круто повернулся на месте и вдруг стремглав бросился наперерез сапсану.

Оба сокола были в эту минуту на одинаковой высоте. Оба сразу учли свои силы в борьбе.

Сапсан с самого восхода солнца без отдыха гнался за стаей, и устал. Но он был крупней своего соперника.

Сокол, поднявшийся из города, казался меньше его ростом, но у него был свежий запас сил. С громким боевым криком — гхиак! гхиак! — он смело бросился на противника.

Услышав этот яростный крик, сапсан потерял все свое мужество: так кричат сокола только в своем участке. Сапсан повернулся и пустился наутек.

У хищных птиц есть свои владения, где они не позволяют охотиться другим птицам их породы. Эти владения представляют из себя невидимый воздушный участок, в середине которого находится гнездо хищника. Хозяин умеет отстоять свой участок от всякого врага, даже от орла.

Городской сокол с торжествующим криком помчался за сапсаном. Погоня продолжалась до тех пор, пока сапсан не вылетел за черту города. Тут его преследователь отстал и вернулся к себе домой под золотой купол, где впервые его заметила казарка.

Здесь он жил среди шумного, людного города. Смелый до дерзости, как все сокола, он часто хватал голубя или галку над самой головой прохожих. Горожане даже не подозревали, что этот свирепый хищник живет рядом с ними в столичном городе. Многие из них видели, как стая голубей, испуганная внезапным появлением сокола, с шумом пронеслась у них перед глазами. Но они не догадывались поглядеть вверх, или просто не замечали ни внезапного смятения голубей, ни быстрого нападения хищника.

Встреча двух соколов спасла жизнь казарке. Сапсан, утомленный головокружительным бегством, вынужден был опуститься в первой попавшейся ему за городом роще. Пока он отдыхал здесь, утиная стая долетела до моря и затерялась среди других странников Великого морского пути.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мишка разложил перед собой большую карту. Нашел на ней город Витебск и подчеркнул карандашом.

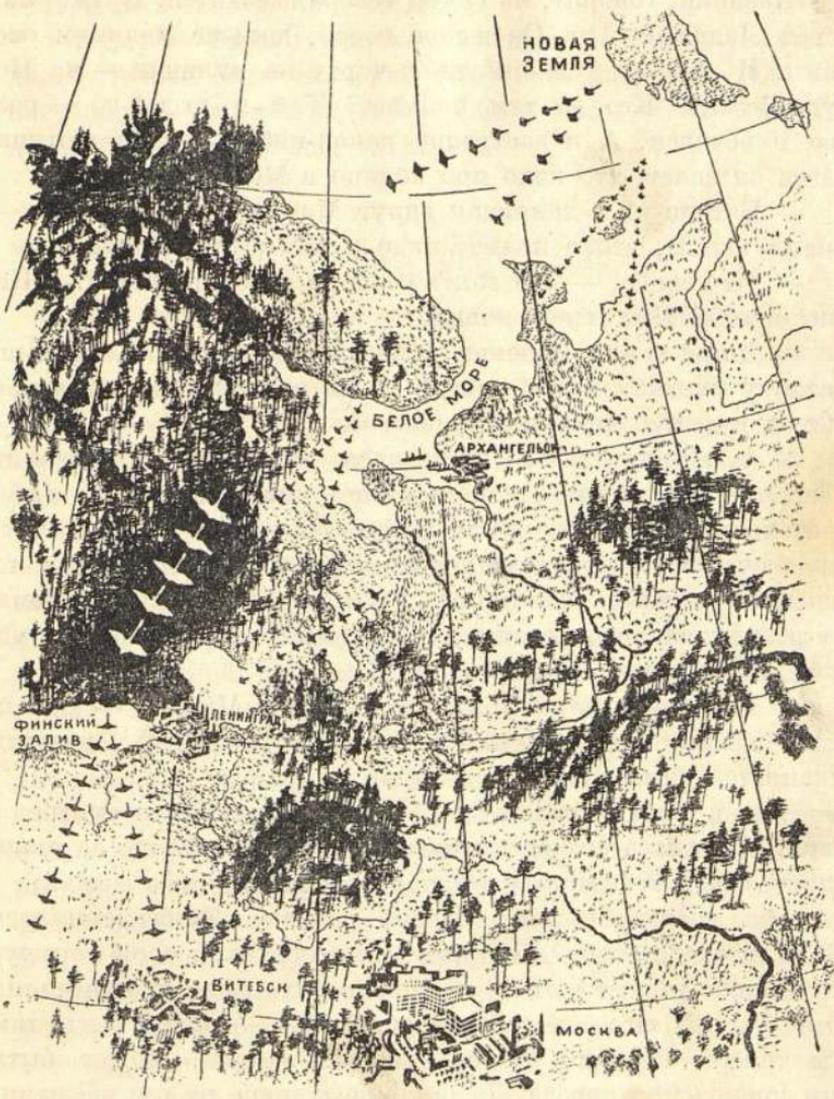
Мысль о выпущенной на волю казарке не давала ему покоя.

«Ладно, — думал Мишка. — Пусть она летит туда, где ее поймали».

Он провел прямую черту от Витебска до Финского залива, левой Ленинграда.

«Правда, оттуда ее везли в закрытой корзинке. Ну, что ж, почтовых голубей тоже в закрытых корзинках возят. Находят же они все-таки дорогу назад, в свою голубятню».

«А дальше?»

Мишка задумался.

«Казарки, говорят, на самом севере гнездятся. Путь у них через Ладожское да Онежское озеро, дальше мелкими озерами. И залетит куда-нибудь к чорту на кулички — на Новую Землю. Кто ее там поймает? Там и людей-то — раз, два и обчелся. А и застрелит какой-нибудь ненец-охотник, разве он знает, что надо про кольцо в Москву заявить».

— Батяка-у! — закричал вдруг Мишка во весь голос. — Знают ненцы, что о кольце надо в Москву заявлять?

— Что такое? — отозвался отец из своей комнаты. — Какие немцы? Про какое кольцо?

— Да не немцы, а ненцы, самоеды по-старому. Если нашу казарку охотник какой-нибудь ненец на Новой Земле устрелит, догадается он про кольцо заявить?

— А, ты вот о чем! Что ж, очень возможно, что и заявит. Северные охотники — народ очень приметливый и любознательный. О птице с кольцом на ноге быстро разнесется слух по всем становищам. Узнают, конечно, об этом и тамошние научные работники. Там, ведь, на Новой Земле имеется у нас радиостанция и всякая такая штука. Оттуда и дадут знать в Москву.

— Пожалуй, что и так, — согласился Мишка. — Дельно было бы с Новой Земли известице получить: дескать, кланяется вам белолобая казарка.

Мишка поднял глаза от карты и задумчиво посмотрел в окно. Тут глаза его разом расширились от испуга: за окном валил снег, бушевала настоящая метель. Мишка думал:

«Ну, значит, крышка теперь казарке. Зима вернулась. Куда птице деваться? Не прилетит же обратно в свою конуру».

Мишка пошел к отцу и сказал ему о своих опасениях. Отец уверял, что еще ничего неизвестно, — может быть, там, где теперь казарка, и нет никакой метели. Может быть, там прекрасная погода. Да, в конце концов, не все же птицы

гибнут, когда в пути их застает буря. Что за чепуха такая — воображать себе всякие ужасы.

— Нет, — сказал Мишка твердо, — я знаю: маху мы дали. Нельзя было так рано выпускать казарку. Надо было настоящего тепла дожждаться. Она у нас привыкла в тепле жить. Теперь погибнет от стужи.

И махнул рукой.

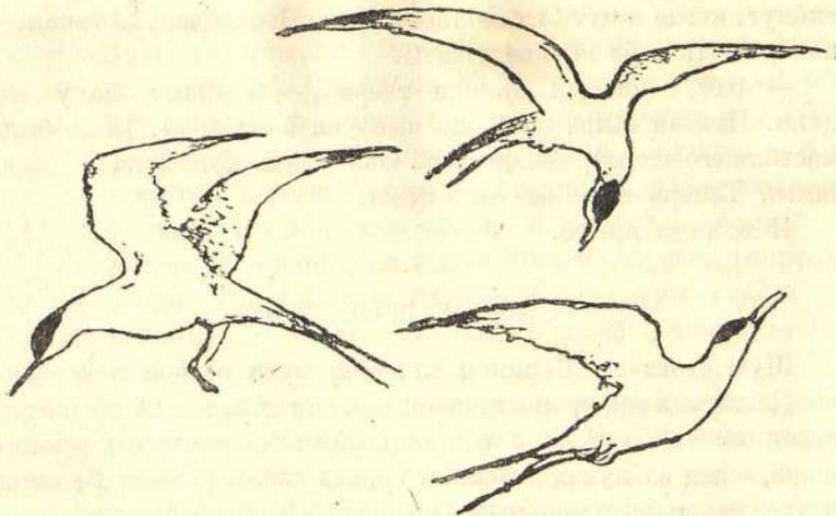
ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шум стоит на Великом морском пути весной и осенью.

Дважды в год проносятся по нему густые толпы крылатых странников. Дважды в год они облетают четверть земного шара вслед за лучами солнца. Одним своим концом Великий путь уперся в сумрачный Северный Ледовитый океан, другим потерялся в цветущих странах жаркого экватора.

Ранней весной горячие лучи солнца скользнут вниз по склону земного шара, борясь с мраком долгой северной зимы, ломая лед и освобождая воды. Тогда бесчисленные стаи морских и прибрежных птиц поднимаются с теплых озер и морей южной Европы и Африки. Бесконечной вереницей, каждая в свой черед, своим строем летят они вдоль берегов Африки и Пиренейского полуострова, Бискайским заливом, проливами, Северным и Балтийским морями.

Постепенно часть стай начинает отставать, сворачивает с Великого пути и широко разлетается в стороны, расселяясь по окружным озерам, рекам и топям. Но всё новые и новые стаи прибывают с юга. Там, где узкий Финский залив глубоко врезался в сушу, они поднимаются над лесом и летят почти непрерывной цепью озер до холодного Белого моря и дальше вдоль берега Ледовитого океана до Новой Земли. Тут последние стаи разбиваются на пары. Тут они строят гнезда, выводят маленьких пушистых птенцов.

Они спешат, потому что на Севере лето коротко. Едва их птенцы подрастут и выучатся летать, птицы снова собираются в стаи, чтобы лететь на юг. Голод, надвигающийся вместе с мраком и холодом, гонит их за ускользящими лучами солнца. Настает осень, и еще более густые толпы крылатых странников покрывают собой Великий морской путь.

Долгий Путь труден. Но беззаботная жизнь на юге быстро восстанавливает истощенные силы. Незаметно проходит месяц за месяцем. Вдруг безотчетное волнение охватывает птиц. Им больше не сидится на месте.

Там, на их родине, началась весна.

И вот стая за стаей, — первыми те, кто прилетели последними, последними те, что прилетели первыми, — птицы снова отправляются в путь на далекий Север.

Лед уже растаял на Финском заливе. Последние льдины, застряв на камнях и мелях близ берега, еще белели среди

серой глади моря. Они служили приютом для отдыха пролетных стай.

На одну из этих льдин и опустилась утомленная казарка.

Она только что рассталась со своими спутницами — утками. Утки остались кормиться у берега, а она полетела разыскивать свою родную стаю.

Место это было ей хорошо знакомо: как-раз тут прошлой осенью она отделилась от своей стаи, запуталась в рыболовной сети и попала в руки охотнику.

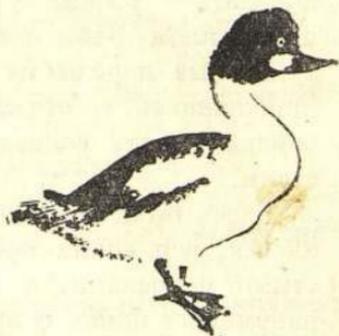
Но теперь диких гусей нигде кругом не было видно.

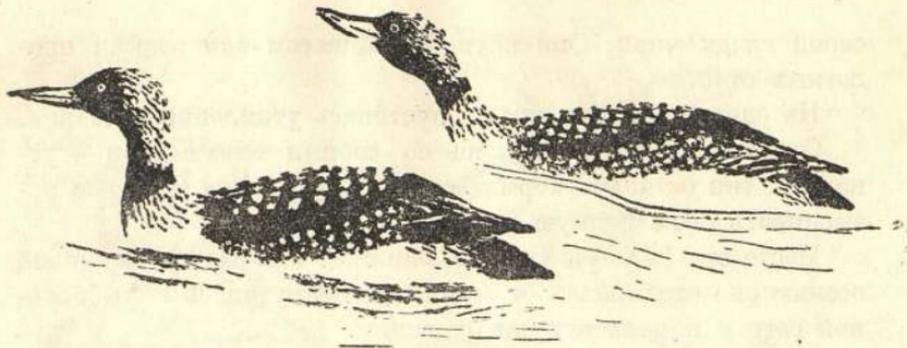
Был полдень — время отдыха на Пути: Лишь изредка проносилась вдали одиночная стая спешивших на кормежку птиц.

Над льдиной летали взад и вперед чайки. То одна, то другая из них, подняв прямо над спиной крылья, падала в волны. Искры светлых брызг на мгновение скрывали от глаз белую птицу. Через миг она снова махала крыльями в воздухе, быстро поднимаясь от воды. В ее клюве блестела серебряная рыбка.

На часек казарка не обращала никакого внимания. Она всматривалась в серую рябь волн. У самой льдины и дальше в море то показывались, то исчезали в воде ловившие рыбу нырки. Чаще всего попадались на глаза белогрудые гоголи, большие черные турпаны с белой перевязкой на крыле и пестрые длиннохвостые морянки.

Вот очень далеко от себя, между льдиной и берегом, казарка заметила двух больших птиц. Ей показалось, что это гуси. Вода блестела в солнечных лучах как сталь; глаза уставали всматриваться в даль.

Казарка сейчас же опустилась на воду и поплыла к этим птицам. Теперь она потеряла их из виду: волны поднимались у нее перед глазами и мешали смотреть вдоль по поверхности моря.

Так прошло несколько минут. Наконец она снова увидела их уже в стороне от того места, где высмотрела их с льдины. В ту же минуту обе птицы приподнялись передней частью тела и сразмаху погрузились в воду. Казарка заметила черное горло и резкие белые полосы на спине одной из них.

Она сразу узнала в них больших морских птиц — гагар.

Казарка была теперь недалеко от берега. Тут стали ей попадаться разные утки. Мелкие заливчики берега были полны илом. Утки находили в нем обильную пищу.

Разные породы их держались отдельными группами, то приближаясь, то отдаляясь друг от друга. Только маленькие бойкие чирята сновали между ними, приставая к разным стаям.

Здесь были и разноцветные рыжеголовые связи, и шилохвосты, вся спина которых испещрена тончайшими волнистыми полосками, а длинный острый хвост действительно напоминает шило, и кряковые — такие самые, как те, в стае которых прилетела сюда казарка. Может быть, даже тут

были и ее недавние спутницы: кряковых уток было так много и все они были так похожи друг на друга, что казарка не сумела бы различить среди них своих знакомых.

С плеском и кряканьем птицы спешили насытиться, чтобы вечером с новыми силами пуститься в путь. Над самой водой поблескивали на их крыльях разноцветные перья, словно маленькие зеркальца. У кряковых зеркальца отливали фиолетовым, у шилохвостей — серым, у свиязей и чирков — зеленым.

Это было красивое зрелище. Особенно хороши были селезни в своих ярких весенних нарядах. Но казарке было не до них. Чувство одиночества все больше и больше охватывало ее: гусей и тут нигде не было.

Голод мучил ее. Она стала доставать корм со дна, плавая среди утиных стай.

Прошло много времени, пока она наелась досыта. В первый раз с тех пор, как она очутилась на свободе, она почувствовала себя сытой и отдохнувшей.

Полуденный отдых на Великом пути кончился.

Над морем все чаще стали показываться летящие на север стаи. Воздух наполнялся шумом, свистом и хлопаньем крыльев.

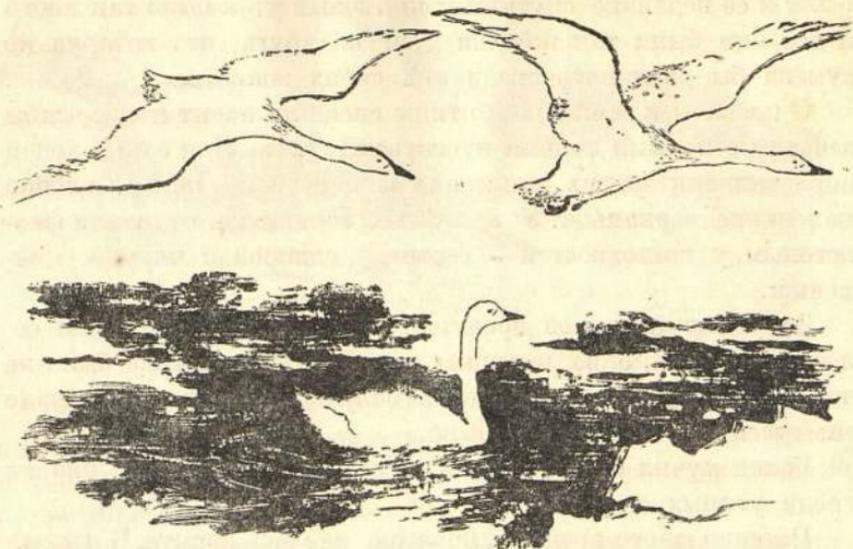
Где-то за лесом громко курлыкали журавли.

С моря доносился многоголосый крик большой стаи гогаей и протяжные стоны чаек.

Казарка с новыми силами поплыла в море разыскивать свою стаю.

Вечер застал попрежнему одинокую казарку снова на льдине среди моря.

Теперь над самой головой казарки и вдали ежеминутно проносилась стая за стай.

Но напрасно среди них она искала глазами свою родную стаю. Гуси все еще не показывались.

Солнце уже опускалось в море. Погода начинала портиться. По небу медленно ползла вверх большая черная туча. Над водой проносились легкие серые облачка тумана. Они все чаще окутывали льдину, обдавая казарку сыростью.

С той стороны, куда летели пролетные стаи, прозвучали громкие трубные клики лебедей. Через минуту опять повторился их крик. Три огромные белые птицы, отливая серебром, махали тяжелыми крыльями, плавно скользили по воздуху. Их прямые длинные шеи были вытянуты далеко вперед.

Лебеди возвращались назад. Это не предвещало ничего хорошего.

Большая льдина, где сидела казарка, привлекла внимание лебедей. Широкими плавными кругами, все так же медленно двигая крыльями, они опустились к самой воде. Наконец

тяжеловесно погрузились в волны и некоторое время плыли вперед, не в силах сразу остановиться. Теперь шеи их были высоко подняты. С гордым и величественным видом они спокойно оглядывали море. Потом, ломая обтаявший с краю лед, один за другим поднялись на льдину.

Туман все сгущался. Больше не видно было стай, летящих на север. Беспорядочные, густые толпы уток возвращались назад вслед за лебедями. Долетев до льдины, они с шумом усаживались вокруг нее на воду.

Там впереди на Морском пути случилось несчастье: туман опустился непроницаемой стеной. Окруженные густой серой мглой, птицы сбивались с пути и гибли целыми стаями, разбиваясь о серые скалы. Те, что еще не заблудились, спешили вернуться назад.

Казарка не знала, что и ее родная стая была там впереди. Она долго еще сидела, напряженно вглядываясь в сгущающуюся тьму, и напрягала слух в надежде услышать знакомые голоса.

Вернувшиеся стаи устраивались на ночлег. Наконец и глаза казарки стали смыкаться. Она подвернула голову под крыло и заснула.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Под мягким крылом тепло и уютно.

Казарка спала крепко. Сквозь сон она слышала только неясный гул птичьих голосов и плеск волн о льдину.

Во сне она забыла свое одиночество. Ей казалось, что она среди своей родной стаи. Ей даже слышался кругом громкий говор гусиного табуна.

Вдруг сильный толчок в плечо заставил ее притти в себя. Она быстро высвободила голову из-под крыла и раскрыла глаза.

В первую минуту она ничего не видела. Кругом была черная мгла, липкий туман. Шум волн мешал различать голоса.

Новый толчок — теперь прямо в грудь — чуть не свалил ее с ног. В это время у самой головы ее раздалось громкое шипенье.

— Гонк! — цзо всей силы крикнула казарка.

Спереди, сзади, со всех сторон вокруг нее из тьмы раздались такие же голоса.

— Го-го-го-гонг-гонг-гонг-гонг! — гоготали гуси.

Это был уже не сон. Она действительно была среди своей стаи, опустившейся на льдину, пока она спала. Ее стая нашла в тумане дорогу назад.

Старый гусь-вожак наткнулся в темноте на казарку и ударами клюва хотел прогнать ее с льдины. Но как только она подала голос, он узнал ее и отошел в сторону.

Приглядевшись, казарка увидела за ним тесно сгрудившийся табун и поспешно шагнула вперед.

Табун расступился и опять сомкнулся за ее спиной.

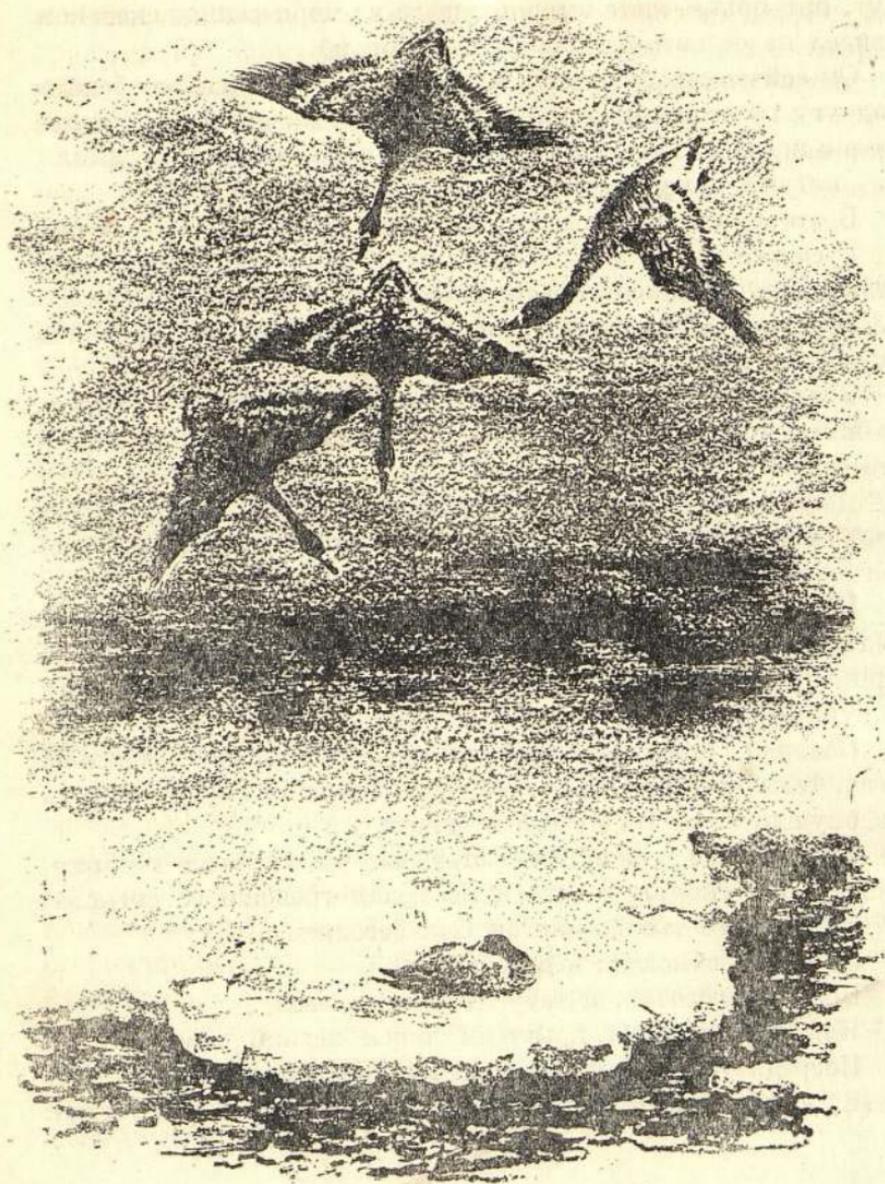
К утру туман стал редеть. Свежий бриз гнал по морю его разорванные клочья.

Табун белолобых гусей все еще сидел на льдине.

В это утро на всем Великом пути не было птицы счастливее казарки. Она беззаботно плавала у края льдины и, красиво изгибая спину, оправляла клювом перья у себя на груди. Рядом с ней плавал ее гусь-казанок.

Это была дружная пара. Три года они прожили вместе и ни разу не разлучались до того дня, когда казарка попала в неволю к людям.

Теперь счастливый случай помог им снова найти друг друга.

Когда казарке надоело плавать, она вылезла на льдину. Тут, при ярком свете выглянувшего из моря солнца, казанок увидел на ее ноге широкое белое кольцо.

Он сейчас же принялся терзать его, стараясь освободить подругу от этой ненужной вещи. Но он ничего не мог поделать с крепким металлом. Острые края кольца только ранили ему клюв и причинили боль казарке.

В это время вожак затрубил сбор.

Гуси сейчас же собрались в кучу и затихли. Вожак повторил крик, медленно расправил крылья и грузно поднялся на воздух. Табун последовал за ним, налету выстраиваясь тупым углом.

Вожак летел впереди, мерно рассекая воздух крыльями, за ним тянулись другие старые гуси. Молодежь летела в хвосте стаи.

Долетев до берега, табун поднялся повыше. Под ним был лес. Гуси спокойно озирали его с высоты и неторопливо переговаривались.

Когда вожак устал, он опустился ниже и, пропустив вперед над своей головой стаю, полетел в хвосте ее. Его место занял другой старый гусь. Таким образом, строй стаи не был нарушен.

Казарка, летевшая позади своего гуся-казанка в середине угла, заметила сапсана, сидевшего на вершине сухого дерева на опушке леса. Видел его и вожак.

Но грозный хищник на этот раз не испугал казарку. Вожак не ускорил полета и не подал тревожного сигнала. Против целого табуна сапсан был бессилен.

За лесом показалась деревня.

Вожак загоготал, и табун поднялся выше.

Над соломенными крышами вился легкий дымок.

Посреди улицы шел человек. Казарка узнала в нем охотника, который вытащил ее из сети осенью прошлого года.

Услышав гогот у себя над головой, охотник высоко задрал голову, прикрыл рукой глаза от солнца и долго смотрел вслед улетающим гусям. Он видел, как, миновав околицу, табун стал снижаться, опускаясь на поля.

Тогда охотник потер себе рукой уставшую от напряжения шею, повернул назад и поспешно скрылся в одной из ветхих изб на краю деревни.

Табун опустился за околицей на озимсе поле. Гуси широко разбрелись во все стороны. Они щипали молодые зеленые всходы.

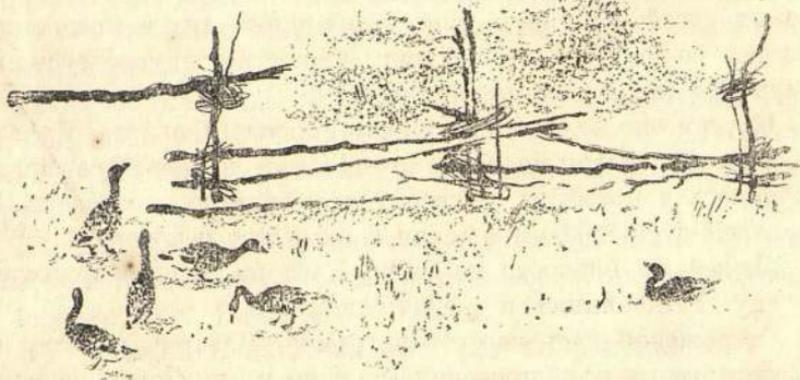
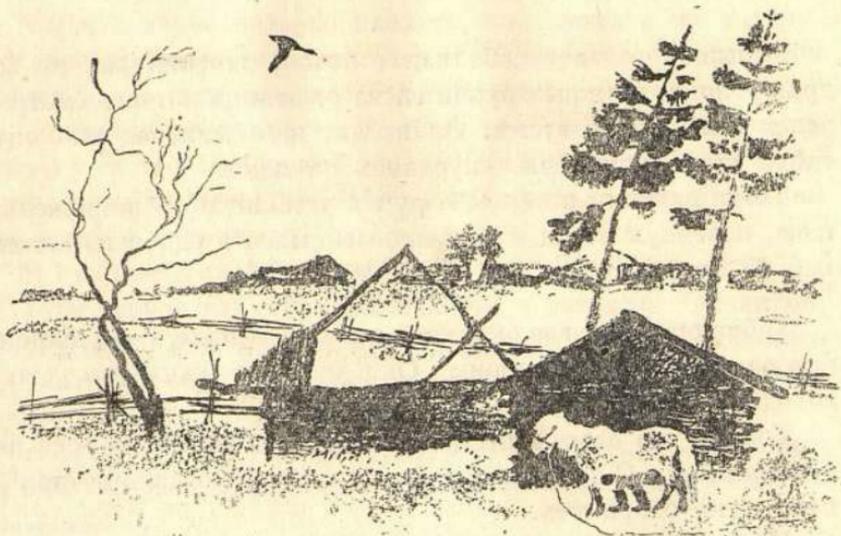
Только две старые птицы из всего табуна оставались неподвижными. Они стояли, вытянув шеи, по краям стаи и поминутно озирались.

Казарка и гусь-казанок щипали озимые далеко от сторожевых гусей. Но лишь только раздалось тихое предостерегающее го-го-го-го!.. — оба они, как и все другие гуси, забыли про корм и насторожились.

Кругом они не заметили ничего подозрительного. Правда, со стороны деревни медленно брела к ним лошадь. Она, видно, сорвалась с привязи: на шее у нее болталась веревка. Но лошадей гуси не боятся, если с ними нет человека.

Людей по близости не было. Казарка снова принялась за еду. Успокоились и все остальные.

Сторожевой гусь заготовал громче. Казарка видела, что он смотрит на приближающуюся лошадь, но никак не могла понять, почему она его беспокоит. На этот раз гуси со всех сторон стали собираться в кучу. Табун сгрудился, и все птицы смотрели на лошадь. Теперь и казарка почувствовала смутное беспокойство. Чем больше она смотрела на лошадь, тем сильнее охватывало ее удивление. Раньше ей никогда не приходилось видеть лошадь с шестью ногами. Ей становилось страшно.

Вот наконец один из сторожевых гусей молча снялся с земли и полетел к странному животному, описывая в воздухе широкую дугу вокруг него.

Стае недолго пришлось ждать его возвращения с разведки. Не долетев и половины расстояния до лошади, гусь быстро повернул назад и криком подал сигнал к бегству.

Табун загоготал, захлопал крыльями и полетел за вожак-ком, поспешно выстраиваясь налету.

Охотник, скрывавшийся за лошадью, отскочил в сторону и приложился. Вдогонку улетающему табуну прогремел выстрел. Но птицы были во-время предупреждены. Они были уже далеко.

Раздосадованный охотник потряс кулаком и прокричал им вслед:

— Не уйдете, все равно! Приманю дворняжкой!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Была ночь, когда охотник вышел из лесу на берег моря. Из-за плеча его высовывался длинный ствол ружья, а у ног бежала маленькая кудластая дворняжка.

Охотник огляделся. В редеющем сумраке был виден песчаный берег, далекой косой уходящий в море. Вблизи спокойно поблескивала мелкая вода заливычка. На некотором расстоянии от берега тянулась широкая и длинная заросль сухого прошлогоднего камыша. Пахло тиной.

Охотник быстро зашагал по песчаной косе. Дворняжка бросилась за ним.

В камыше тревожно закрикали вспугнутые шумом шагов утки и засвистели невидимыми крыльями. Охотник не обратил на них внимания. Он не за ними явился сюда.

Дойдя до самого края косы, он остановился, снял ружье с плеча и отвязал у пояса мешочек с хлебом. Потом бросил на песок мешок и бережно опустил на него ружье. Дворняжка сейчас же уселась сторожить вещи.

Отыскав поблизости обломок доски, охотник быстро разгреб им вокруг себя песок, вырыл неглубокую яму и окружил ее песчаным валом. Потом собрал кучу выброшенного морем

мусора, палок и сучьев, сухого камышу. Все это он воткнул частым заборчиком в песчаный вал, покрыл с боков и сверху кусками сухой тины и засыпал песком, оставив с одной стороны лазейку, а с других трех сторон маленькие отверстия для ружья. С к р а д о к был готов.

Забрав с собой ружье и узелок, охотник на четвереньках влез в свою засаду и свистнул к себе дворняжку. Теперь на конце песчаной косы самый зоркий глаз не мог бы обнаружить ни человека, ни собаки.

Между тем, стало быстро рассветать. Лежа в скрадке, охотник видел, как нижний край длинного белого облака низко над морем зажегся золотом, потом стал розоветь, краснеть и наконец вспыхнул ярким пурпуром. Еще через несколько минут над спокойной гладью моря, под самым облаком, показалась ослепительно красная верхушка солнечного круга.

Свежий бриз потянул с берега и зашуршал сухим камышом. С моря донесся пронзительный вопль чаек.

Большие стаи птиц с шумом то и дело проносились вдали.

Лежа на животе в своей скрадке, охотник мог видеть только впереди себя. Поэтому он не заметил, как сзади него из леса вылетел сапсан. Острые крылья сокола мелькнули в воздухе и сейчас же скрылись в ветвях сосны, одиноко стоявшей на песчаной косе.

Пернатый охотник тоже уселся в засаду подстергать свою добычу.

Скоро стая каких-то больших птиц опустилась на белую льдину далеко от берега.

В скрадке на косе послышалась возня, и сейчас же из лазейки выскочила кудластая дворняжка. Она уселась было на песок, но из скрадка полетел мимо ее носа кусочек черного хлеба. Дворняжка бросилась за ним. Едва успела она схватить и проглотить его, как новый кусок хлеба вылетел из

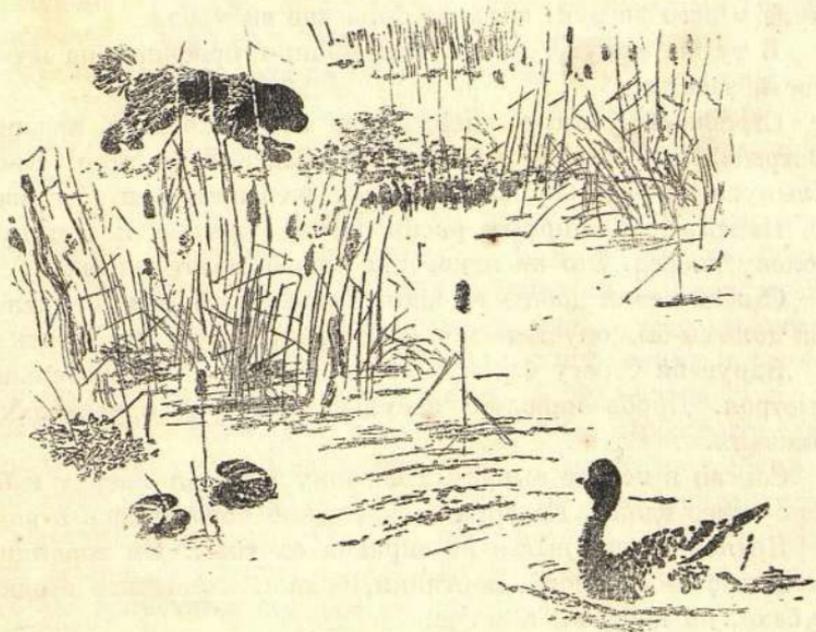
засады и упал на песок, в нескольких шагах от нее. Дворняжка опять побежала подбирать его.

Черные шарики хлеба, летевшие из скрадка, нельзя было разглядеть издали. Поэтому птицам, наблюдавшим за собакой с моря, казалось непонятным, почему она бегает по песку из стороны в сторону.

Одна из птиц, сидевших на льдине, опустила на воду и поплыла к берегу. Она все время поворачивала голову, с любопытством следя за бегающей дворняжкой.

Скоро с берега можно было различить серый цвет ее оперенья, приподнятый над водой хвост и вытянутую шею.

Кусочки хлеба не переставали лететь из скрадка в разные стороны, и голодная дворняжка попрежнему бегала за ними по берегу. В одно из отверстий скрадка осторожно просунулся

конец ружейного ствола. Но птица не заметила этого, потому что все ее внимание было поглощено собакой. Конец ружья медленно направился прямо ей в грудь.

В эту минуту она была далеко от охотника, но он уже видел ярко-белый полумесяц у нее на лбу. Это была казарка. Любопытство заставило осторожную птицу забыть опасность. Казарка все дальше и дальше уплывала от стаи навстречу своей гибели. Ее гусь-казанок спал в это время на льдине.

Конец ружья стал поворачиваться, все время оставаясь направленным в нее. Солнечные лучи ярко заиграли на гладкой поверхности стали. Этот подозрительный блеск бросился в глаза казарке.

Страх пересилил в ней любопытство. Она сейчас же снялась с воды и полетела назад к стае.

Охотник громко выругался с досады. Дичь опять ускользнула у него из рук: казарка была вне выстрела.

В ту же минуту сапсан как молния бросился на нее из своей засады.

Страшный удар в спину чуть не опрокинул казарку. Острые когти сокола глубоко вонзились в ее тело. Кровь хлынула из ран. От боли и ужаса свет померк в ее глазах.

Падая, она широко распростерла крылья и вытянула голову вперед. Это на мгновение спасло ее от гибели.

Сапсан не мог добить ее одним сильным клевком в затылок. Он должен был опуститься с ней на воду, чтобы там добить ее.

Вдруг на берегу блеснул огонь. Грохнул оглушительный выстрел. Дробь наизлете забулькала в воду в нескольких саженях.

Сапсан в испуге выпустил казарку, взлетел кверху и быстро исчез вдаль. Казарка безжизненно погрузилась в воду.

Пятясь задом, вылез из скрадка охотник. Он торопливо стащил с себя сапоги, портянки, брюки. Оставшись в одной рубахе, он побежал к морю.

Ледяная вода обожгла ему ноги, но он быстро прошел по ней сотню шагов, отделявших его от истекавшей кровью казарки.

Когда охотник подошел к ней, она лежала на воде без движения. Вся спина ее была в крови. Охотник схватил казарку за крыло, потащил на берег и бросил ее перед заливавшейся радостным лаем собачонкой.

Охота была кончена. Родная стая казарки, отдохавшая на льдине, улетела, вспугнутая выстрелом.

Теперь она была уже далеко впереди на Великом пути.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Ну, пес! стереги добро, а я в лес сбегаю за хворостом, — говорил охотник дворняжке. — Замерз в воде-то. Разведем костер, погреемся.

Натянув сапоги, он протянул руку за казаркой, чтобы положить ее к ружью, около которого сидела собака.

Тут взгляд его упал на кольцо, белевшее у птицы на лапе.

— Гляди-ка, да гусь-то меченый? — удивленно сказал он, разглядывая кольцо. — А на кольце буквы и цифры представлены.

— Вот оказия! — прибавил он после минуты раздумья, растерянно глядя на дворняжку. — Как же теперь быть? На деревне узнают, а там и хозяин объявится. Скажет: моего гуся убил, домашнего. Плати, скажет, мне за него денежки! Нет, постой, этак не годится! Кольцо я с него сниму и в море заброшу, чтобы, значит, концы в воду. А без кольца-то его и хозяин не признает: как есть дикий гусь. Прошлого года осенью я такого же белолобого здесь у берега из рыбацкой сети вытащил. Хорошую цену за него в Ленинграде дали!

Охотник задумался. Он был неграмотный, прочесть надписи на кольце не мог, а любопытство его разбирало. Показать же грамотным соседям он опасался.

— Спешить некуда! — решил он наконец. — Наперво согреюсь, а там и порешу, как быть.

Охотник положил казарку рядом с ружьем и узелком, позвал дворняжку и еще раз приказал ей хорошенько сторожить добро.

— Да цыц! — прибавил он, уходя. — Не вздумай дичи отведать!

Собака, привыкшая стеречь имущество хозяина, уселась перед вещами.

Узелок соблазнительно пахнул хлебом, а птица дичинкой. Но тронуть лакомые кусочки нельзя было. Надо было терпеливо ждать, пока вернется хозяин. Он не забудет ее покормить: он сегодня веселый. Ей, верно, достанется хороший кус.

Дворняжка даже зажмурилась от удовольствия в предчувствии награды за терпенье.

Раздался шорох с того места, где лежали вещи. Дворняжка открыла глаза и остолбенела от изумления: в трех шагах от нее стояла ожившая казарка.

Один миг птица и собака безмолвно смотрели друг на друга. Потом дворняжка тявкнула и храбро бросилась на казарку. Защищаясь, казарка ударила собаку крылом. Удар был так силен и так ловко пришелся в самый кончик чувствительного носа животного, что дворняжка свалилась с ног.

От неожиданной боды она лишилась сознания. Казарка тоже свалилась на бок, не рассчитав силу своего удара. Но тотчас же поднялась на ноги и быстро заковыляла к воде.

Рана от когтей сапсана не была смертельна. Когда казарка увидела подходившего к ней по морю человека, она была так слаба от потери крови, что не могла ни взлететь, ни нырнуть под воду. Ей не оставалось ничего другого, как притвориться мертвой. К этому спасительному приему прибегают дикие гуси, когда у них нет другого способа избежать гибели.

Хитрая уловка удалась вполне. Вообразив, что птица уже мертва, охотник не стал ее добивать.

Силы вернулись к казарке, пока она лежала на песке.

Теперь удачный удар крыла открыл ей путь к свободе. Добежав до берега, она бросилась в воду и скоро исчезла в густой заросли камыша.

Охотник вернулся к скрадку с целой охапкой хвороста.

Собака не поднялась ему навстречу. Он толкнул ее ногой, подумав, что она заснула.

Маленькая дворняжка неуверенно встала на ноги, стояла, качаясь из стороны в сторону, и вдруг завyla тонко и жалобно.

— Ты чего? — удивился охотник. — Рехнулась. что ли?

Тут он взглянул на свои вещи и заметил, что рядом с ружьем не было казарки. Не было ее нигде поблизости на ровном песке.

— А где гусь? — грозно закричал он на собачонку.

Но та только виновато замахала хвостом и еще жалобней завывала.

— Цыц ты, проклятая! — кричал охотник. — Что воешь как над покойником?..

А уж у самого мурашки от страха побежали по телу. Как многие старые охотники, он был суеверен. Самые дикие мысли полезли ему в голову.

— Гусь не простой был, с кольцом... Собака чуть не сдохла... Сгинул, оборотень! С нами крестная сила!..

Он поспешно схватил ружье и узелок и быстро зашагал к лесу. Дворяжка, поджав хвост, поплелась за ним.

Притаившаяся в камышах казарка видела, как ее враги скрылись за деревьями.

С моря до нее донесся отдаленный призывный крик. Она узнала голос гуся-казанка.

Крик повторился ближе. Казарка хотела полететь навстречу казанку, но ослабевшие крылья не подняли ее на воздух. Из груди вырвался крик боли и отчаяния. Силы ее были окончательно истощены.

Из-за песчаной косы раздался ответный гогот. Скоро над берегом показался гусь-казанок. Он отстал от стаи, чтобы разыскать свою исчезнувшую подругу.

Он опять закричал звонко и радостно, но ответа не получил.

Сделав широкий круг над камышом, он крикнул еще и еще раз. Ответа все не было.

Тогда он отлетел в море и там опустил на воду. Он не хотел лететь догонять стаю один, без своей подруги.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Шли дни за днями. Птицы быстро пролетали Великим морским путем. Сапсан давно улетел на север. Он тоже теперь держался Великого пути и тут никогда не оставался без пищи.

Родная стая казарки уже прибыла к себе на родину. Одной только пары не доставало в табуне.

В заливчике за песчаной косой, где эта пара отстала от него, зазеленел камыш. Давно уплыли, растаяли в море последние льдины. Берег покрылся свежей травой, деревья на берегу окутались легким зеленоватым туманцем.

Заливчик служил прибежищем для отдыха многочисленных пролетных птиц. Тут, словно в гостеприимной харчевне на краю большой дороги, усталые воздушные путники отдыхали и подкрепляли свои силы едой.

Пролетели последние стаи лебедей и гусей. Утки тоже редко стали показываться в заливчике.

Теперь на смену им в морскую харчевню все чаще начали

заглядывать другие гости: прилетали длинноногие и длинноносые кулики.

Они тянули над берегом моря. Полет их часто прерывался остановками в таких обильных пищей и безопасных убежищах.

Но в этом заливчике они долго не задерживались. На то была своя причина.

Большой морской орел белохвост каждое утро показывался здесь из лесу. Редко-редко взмахивая крыльями, он спокойно проплывал в вышине над заливчиком, удаляясь в открытое море.

Там, на большой глубине, белохвост ловил крупную рыбу. Птиц он редко трогал.

Однако все морские птицы хорошо знали, что он не пропустит случая схватить себе на завтрак одну из них, если во-время не заметит его приближения. Поэтому, едва только белохвост показывался вдали, они разлетались во все стороны.

Поймав рыбу, орел летел обратно в лес, где у него было гнездо, бросал добычу самке, высиживавшей яйца, и снова отправлялся на море.

Так летал он взад и вперед одним и тем же путем по несколько раз в день. И каждый раз, при его появлении, стаи куликов спешили покинуть заливчик.

Но не один белохвост нарушал их мирный отдых. Часто из заросли камышей неожиданно появлялась большая серая птица. Она шумно бросалась в воду и плыла к берегу.

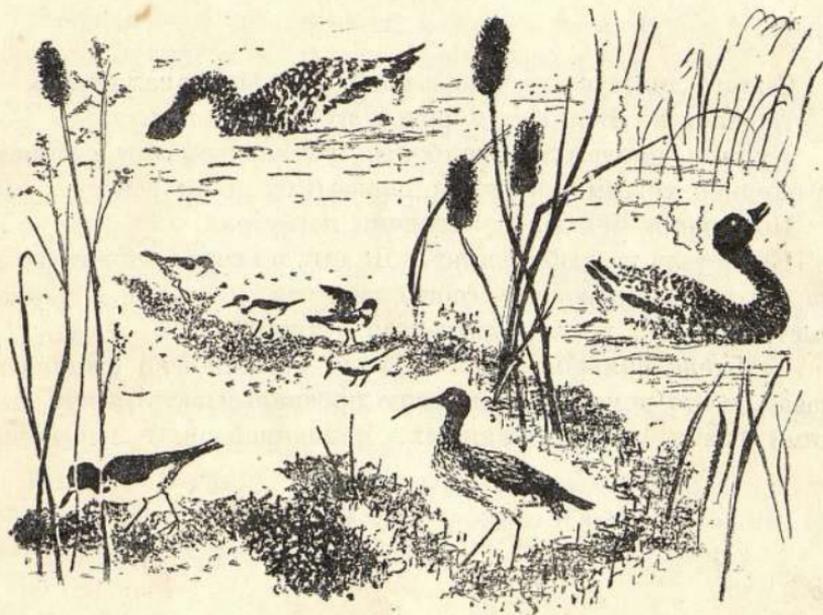
Уже напуганные орлом длинноносые птицы взлетали с тины, и воздух оглашался их тревожным писком и свистом. Скоро, однако, они узнавали в страшной большой птице мирного белолобого гуся. Их страх проходил, они снова усаживались на тину и бегали по ней, покачиваясь всем телом на своих высоких тонких ногах.

Гусь-казанок, против воли пугавший их одним своим видом, принимался плавать по мелкой воде заливчика. Он тоже находил здесь много вкусной пищи.

Наевшись досыта, он направлялся обратно в камыши, где ждала его выздоравливавшая от ран казарка. Он разыскал ее в камышах к вечеру того дня, когда она спряталась там от охотника и его дворняжки. С тех пор он никуда не удалялся от нее.

Двум таким заметным птицам, как казарка и казанок, было небезопасно жить в камышах. Но одно крыло казарки было повреждено соколом, она все еще не могла летать и была очень слаба. Поэтому ее верному казанку приходилось делить с ней опасность попасться на глаза белохвосту, когда он пролетал над заливом.

Наконец настал день, когда казарка решила покинуть в сопровождении казанка свое убежище в камышах, чтобы покормиться илом у берега заливчика.

В этот день там было особенно много разных куликов. Вся тина у берега была испещрена крестиками следов их тонких прямых пальцев.

В траве на берегу важно расхаживали на высоких ногах-ходулях большие серпоклювые кроншнепы. У воды по желтому песку быстро и незаметно перебегали желтоватые зуйки с черным галстучком на шее, сидели красноногие и красноногие пестрые кулики-сороки. По тонкому слою тины, поминутно втыкая в нее до самого лба свои слабые клювики, хлопотливо сновали взад и вперед легкие кулички-воробьи и чернозобики.

Но гуси не долго оставались в их обществе. Как только казарка насытилась, казанок поплыл к берегу. Он поминутно оглядывался на свою подругу и звал ее за собой тихим гоготаньем. Казарка поплыла за ним. Скоро оба вылезли на берег, прошли по нему отделявшее их от леса расстояние и скрылись за деревьями.

С этого дня гуси не показывались больше в заливчике.

Перелет на Великом морском пути кончался.

Кулики пролетали все более малочисленными стайками и наконец совсем перестали показываться на берегу.

Последним прибыл в заливчик коростель.

Коростель не любит летать. Да ему и незачем подниматься на крылья и подвергать себя опасности в воздухе. Он умеет быстро бегать, ловко скрываться в траве.

Его тело сильно сжато с боков, ноги далеко отставлены назад, и это помогает коростелю проскальзывать между стеблями травы, не задевая их. Величиной он с перепелку.

Зимовал коростель в Африке. Прошло много времени, пока от места своей зимовки он добрался до Финского залива. И в путь он отправился поздно. Другие птицы, зимовавшие в тех краях, давно уже собрались в дорогу. Утки, гуси, кулики стая за стаей пролетали у него над головой. Но коростель не спешил: у него на родине еще не пробилась молодая трава, и ему пока негде там скрываться от зорких глаз хищников.

Но вот отлетели последние стаи куликов. Ночью двинулся в путь коростель. Шел он пешком.

Через несколько дней ходу дорогу ему пересекла широкая гладь Гибралтарского пролива. Но это не могло смутить путешественника. Под покровом темноты он быстро перелетел воду и, опустившись на другом берегу, без передышки продолжал свой путь.

Шел он к себе на родину самой прямой дорогой, известной только ему одному.

Впереди него летели утки, лебеди и гуси, чайки и гагары морским путем; стаи куликов придерживались берега.

А коростель шагали шагали в одиночестве по земле напрямик, прибегая к помощи крыльев лишь там, где это было ему необходимо. Шел он очень быстро. Ради безопасности он днем отдыхал и кормился, а по ночам под прикрытием темноты, травы и кустов бежал вперед.

Был уже конец мая, когда он добежал до заросшего камышом заливчика, недавно служившего убежищем казарке.

Ночь убывала. Пора было усталому пешеходу подумать об отдыхе в безопасном месте.

В открытом заливе ему нечего было делать. Коростель отправился искать себе приют в полях за лесом.

Миновав околицу деревни, где жил охотник, дважды ловивший казарку, он побежал по озимым, выбирая места, где уже подросший хлеб был погуще.

Вдруг он выскочил на открытое место среди поля. Молодые всходы были тут примяты и выщипаны парой белолобых гусей. Гуси не заметили его внезапного появления. Он сейчас же юркнул обратно в траву и стал в ней устраиваться на ночлег.

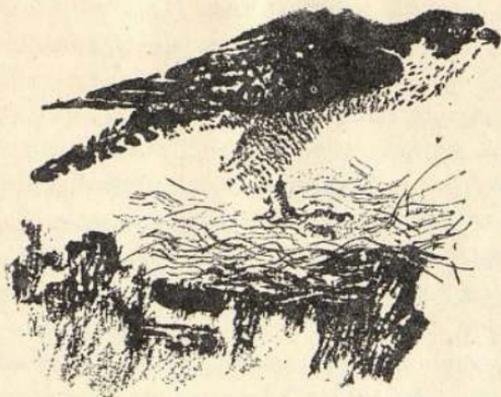
Через несколько минут он увидел, как гуси поднялись с поля и, забирая все выше и выше, полетели на север.

Это были казарка и гусь-казанок.

Казанок привел сюда свою подругу из заливчика, и они жили здесь последние дни. Хороший корм быстро восстановил силы казарки. Большое крыло ее совсем зажило.

Теперь дружная пара могла решиться пролететь вдвоем оставшуюся до их родины часть Великого пути.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло полгода с тех пор, как Мишка расстался с казармой. На улицах Витебска лежал снег.

И опять Мишке вспомнилась казарка такой, какой она встретила его с отцом, когда они пришли освободить ее. Он видел перед собой ярко-белый полумесяц у нее на лбу, блестящий взгляд и настороженно-воинственную позу. И опять ему подумалось: «Неужели она не долетела к себе на родину?»

В прихожей позвонили. Мишкин отец прошел из своей комнаты отворить дверь. Через минуту он позвал сына к себе в кабинет.

— Читай вслух, — сказал отец и протянул Мишке только-что полученное письмо.

Мишка разорвал конверт, развернул сложенный вчетверо лист почтовой бумаги и прочел:

Орнитологический Комитет 22 октября 19... года.

Считаем своим приятным долгом поделиться с Вами только-что полученными нами сведениями об интересующей Вас белолобой казарке, отмеченной Вами кольцом № 109 серии С.

Сельский учитель села Прибрежного, расположенного на восточном берегу Белого моря в 50-ти верстах от гор. Архангельска, любезно сообщает нам следующие свои любопытные наблюдения.

В начале истекшего лета он бродил по берегу моря со своей охотничьей собакой. Собака у него на глазах подняла из травы коростеля. Никогда прежде учитель не встречал эту редкую в тех краях птицу. Увидев, что коростель, едва взлетев над травой, сейчас же снова опустился в нее, учитель задался целью выгнать оттуда птицу с помощью собаки. Но коростель, по своему обыкновению, стал спасаться пешком.

После долгого безрезультатного преследования собака, бежавшая по следам коростеля, привела учителя к голой скале на берегу моря. Со скалы бросился на собаку сапсан, а коростель, воспользовавшись ее замешательством при этом, куда-то ускользнул.

Удивленный неожиданным появлением яростно кидавшегося на собаку сокола, учитель осмотрел скалу и заметил в ней гнездо сапсана на высоте всего аршин четырех над землей. Подойти к гнезду он не решился, потому что смелый хищник готов был, казалось, цапнуться в лицо человеку своими страшными когтями. Учитель хотел было отойти, как вдруг у себя под ногами увидел сидящую на гнезде белолобую казарку. Быстро скинув с себя куртку, он набросил ее на голову птице.

Таким образом ему удалось поймать казарку. С нею в руках он благополучно покинул опасное место.

На ноге казарки учитель обнаружил надетое Вами кольцо. Записав его номер, он выпустил птицу на свободу.

Потом учитель часто приходил наблюдать за казаркой издали, пока она не вывела птенцов и не удалилась с ними из-под скалы в ближайшее болото.

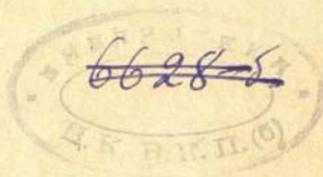
Ученые не раз находили гнезда казарок рядом с гнездами сапсанов. Под охраной смелых соколов казарки чувствуют себя в безопасности от врагов.

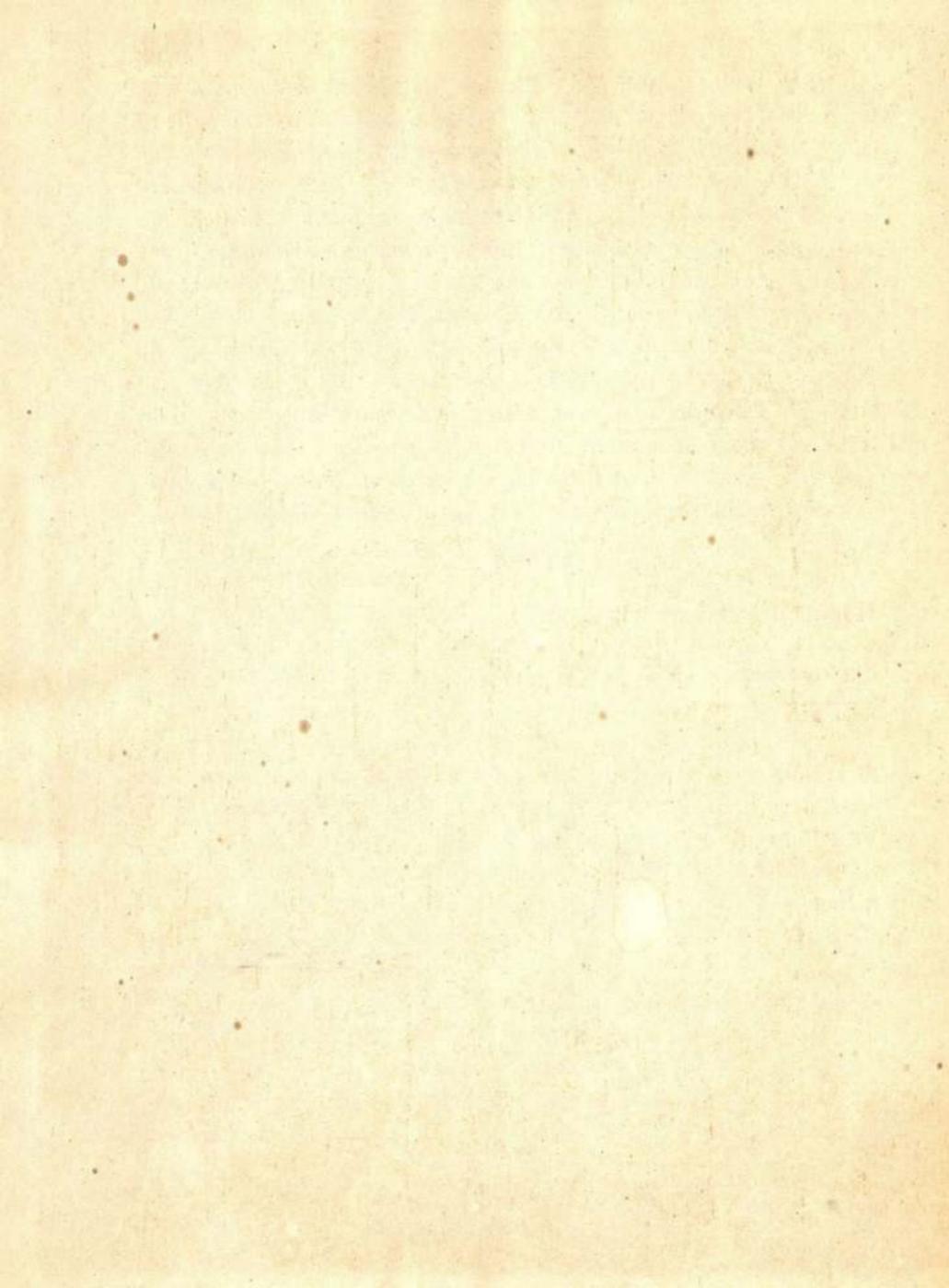
Однако для науки до сих пор остается загадкой, почему эти свирепые хищники не трогают в течение всего времени вывода птенцов своих доверчивых, но беззащитных соседей.

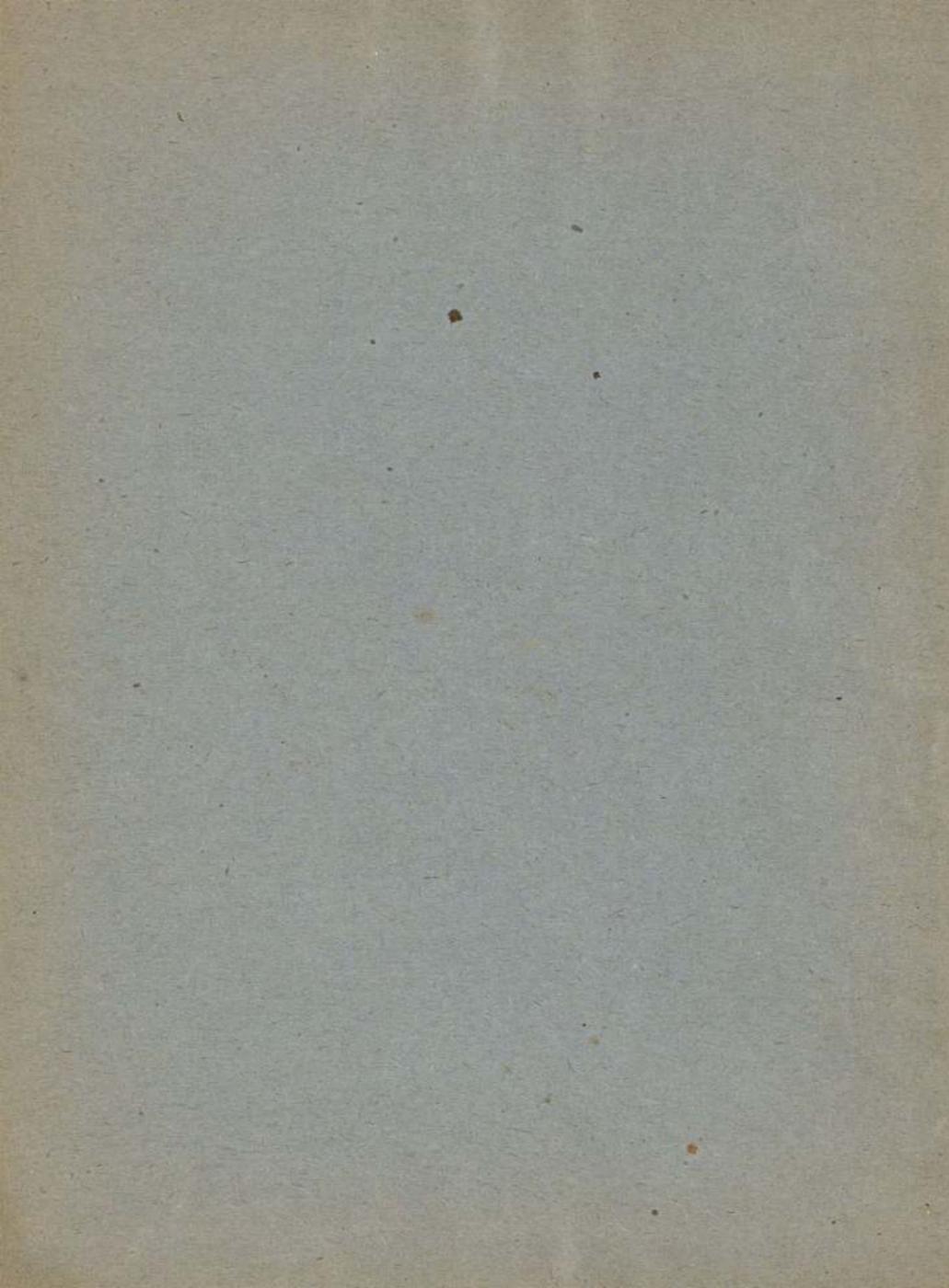
Во всяком случае, Ваша казарка в этом году благополучно вывела птенцов. Будем надеяться, что когда-нибудь она снова попадет в руки людям и тот, кто ее поймает, расскажет нам о ее дальнейшей судьбе.

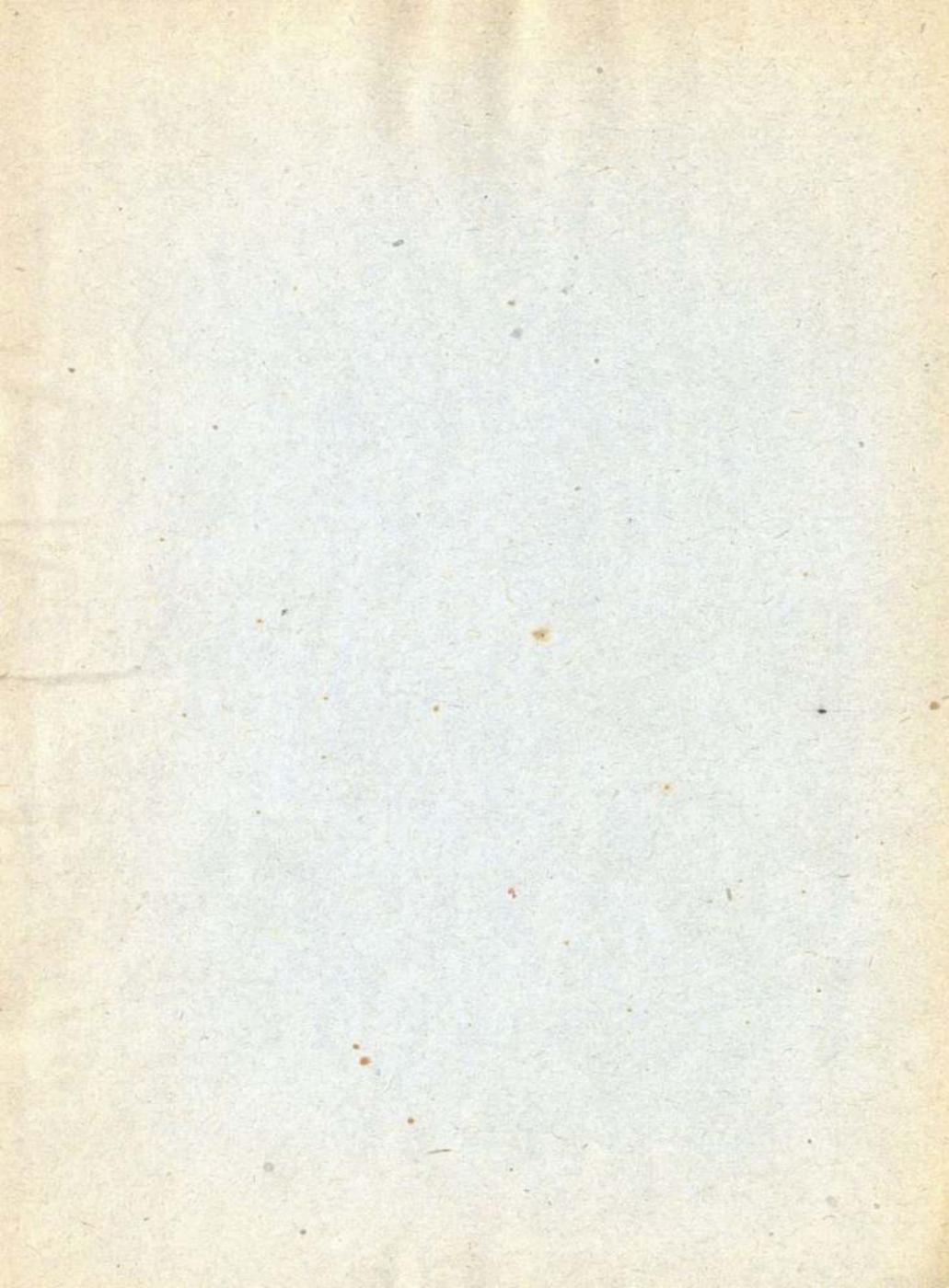
За председателя....

Подписи Мишка не разобрал.

400 =

~~2P 25K~~

1P.

